

Влияние религиозной идентичности мужчин на формирование института отцовства

Ч. И. Ильдарханова¹ ✉ В. А. Гневашева¹ А. Р. Абдульязнов¹ О. Р. Пятинина²

¹ Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Российская Федерация)

² Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация)

✉ chulpanildusovna@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность научного изучения религиозного аспекта отцовства обусловлена значимостью роли мужчины в устойчивости родительских и семейных отношений в период демографического кризиса. Цель статьи – на основе авторского эмпирического исследования осуществить анализ ряда аспектов репродуктивного, генеративного и брачного поведения мужчин с учетом их религиозной принадлежности как фактора, определяющего формирование образа семьи, предполагаемого традиционными религиями.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования послужили данные социологического исследования, проведенного авторами в двух субъектах Российской Федерации – Республике Татарстан и Вологодской области. Объектом исследования выступили мужчины от 18 до 49 лет. Выборка составила 1 353 чел. Применение компаративного, экономико-статистического, факторного методов анализа позволило определить степень влияния религиозной принадлежности мужчин на их генеративное поведение.

Результаты исследования. Расчет средних значений определил сравнительное превосходство ценности семьи относительно ценности работы у всех подгрупп опрошенных мужчин вне зависимости от включенности в религиозный контекст, однако у религиозных мужчин семья в структуре жизненных ценностей выражена заметнее. Выявлены некоторые особенности ролевого распределения в семьях, ожидания количества детей, ориентации на воспитание и соучастие взрослению детей в семье, детерминации образа отца и поведения самих респондентов. Религиозная принадлежность

© Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Абдульязнов А. Р., Пятинина О. Р., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

мужчин влияет на их желание иметь большее количество детей: христиане склоняются к двухдетности, мусульмане – к двух- и многодетности. Среди неверующих меньше процент желающих стать многодетными отцами.

Обсуждение и заключение. Исследование влияния религиозной идентичности мужчин на генеративное поведение позволило определить факторы, обуславливающие формирование репродуктивного поведения, информация о которых поможет в дальнейшем разработать меры повышения рождаемости с учетом роли института отцовства и конфессиональной принадлежности мужчин. Результаты исследования могут быть использованы при разработке мероприятий по реализации демографической и семейной политики.

Ключевые слова: отцовство, поведенческие конструкты, генеративное поведение, брачное и репродуктивное поведение, конфессиональная и религиозная идентификация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)» № 19-011-00644.

Для цитирования: Влияние религиозной идентичности мужчин на формирование института отцовства / Ч. И. Ильдарханова [и др.] // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 424–446. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.424-446>

Original article

The Influence of Men's Religious Identity on Fatherhood Institute Formation

Ch. I. Ildarkhanova^a✉, V. A. Gnevasheva^a, A. R. Abdulzyanov^a, O. R. Pyatinina^b

^a Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russian Federation)

^b Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

✉ chulpanildusovna@gmail.com

Abstract

Introduction. Scientific study of religious aspect of fatherhood is actual due to the significance of the man's role in sustainability of parental and family relations in conditions of a demographic crisis. The aim of the article is to analyze a range of reproductive, generative and marital behavior of men defined by their religious identification as a factor that influences the formation of a family image that is shared in traditional religions.

Materials and Methods. Empirical basis of the study includes data of social survey held by authors in two subjects of Russian Federation – in the Republic of Tatarstan and Vologda Region. The object of the study – men at the age of 18–49, the sample – 1 353 men. Use of comparative, economic-statistical and factor methods of analysis allowed to define the level of the influence of men's religious identity on their generative behavior.

Results. The calculation of average values has defined comparative superiority of the value of the family in comparison with the value of work in all subgroups of the surveyed men, regardless of their involvement in the religious context, however, among religious men the family in the structure of life values is more vivid. Some peculiarities of the role distribution in families, expectations towards the number of children in the family, orientation towards

upbringing and complicity in the growing up of children in the family, determination of the image of a father and correspondingly behavior of the respondents were determined. Men's religious identity influences their desire to have bigger number of children: Christians tend to have two children while Muslims want to have more than two children. The percentage of men who desire to become a father of many children is less among those who don't believe in God. **Discussion and Conclusion.** The study of the influence of men's religious identity on generative behavior allowed to reveal factors causing formation of reproductive behavior. This data will help to work out measures to increase the birth rate into account the role of fatherhood institute and confessional identity of a man. Results of the research can be used in the process of developing measures for the implementation of demographic and family policy.

Keywords: fatherhood, behavioral constructs, generative behavior, marital and reproductive behavior, confessional and religious identification

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project 19-011-00644 "Generative behavior of Russian men in conditions of demographic crisis: comparative analysis in Volga and Northern-Western districts of Russian Federation".

For citation: Ildarkhanova Ch.I., Gnevasheva V.A., Abdulzyanov A.R., Pyatinina O.R. The Influence of Men's Religious Identity on Fatherhood Institute Formation. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies.* 2022;30(2):424–446. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.424-446>

Введение. Демографическая ситуация в России в 2020–2021 гг. характеризуется естественной убылью населения, которая определяется увеличением смертности и снижением рождаемости. Общий коэффициент рождаемости по стране за данный период снизился на 3 % (даже такой небольшой процент в условиях длительного снижения уровня рождаемости все равно является весьма значимым). В данном аспекте большая роль принадлежит не только женскому, но и мужскому населению. Высокая сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста, особенно в эпидемиологический период распространения COVID-19, вносит свои коррективы в процесс естественного воспроизводства населения. Российский показатель коэффициента смертности трудоспособного населения в период с 2017 по 2019 г. был практически на одном уровне (4,7–4,8 ‰), но в 2020 г. вырос на 11 % (5,2 ‰), при этом смертность в трудоспособном возрасте существенно выше у мужчин (больше чем в 3 раза). В 2020 г. коэффициент смертности мужчин трудоспособного возраста был равен 8,2 ‰, женщин – 2,5 ‰.

Изучение генеративного поведения мужчин, включающего установки на создание семьи, рождение детей и участие в их воспитании, обусловлено, с одной стороны, проблемой воспроизводства населения, с другой – традиционным переключением ответственности за сохранение института семьи только на женщину [1]. В современных условиях формирования нового гендерного порядка на основе принципа гендерного равноправия происходит переосмысление

роли мужчин и женщин в семейной сфере. В рамках нового гендерного порядка институт отцовства требует особого внимания и является равноправным субъектом действий, равновесным институтом материнства. Значимость роли отца в создании крепкой семьи и воспитании детей, как и матери, в Российской Федерации впервые на государственном уровне закреплена указом Президента В. В. Путина № 573 от 4 октября 2021 г. об учреждении Дня отца.

Несмотря на то, что в соответствии с Конституцией Российская Федерация – светское государство, духовенство активно включено в процесс укрепления института семьи и брака, популяризацию традиционных семейных ценностей. В современных российских семьях, где вероисповедание имеет большое значение, одним из важных факторов формирования семейно-родительского образа жизни мужчин выступает религия. Необходимо учитывать, что идентификация себя с религией у опрошенных мужчин носит скорее формальный характер, в этой связи не стоит соотносить полученные выводы с группой мужчин, практикующих все нормы христианства или ислама. Однако нами четко выявлен положительный вектор влияния религии на семейно-центристские стратегии современных мужчин. Результаты исследования были апробированы на научных конференциях, а также на заседаниях Уполномоченного по правам человека Российской Федерации, Общественной Палаты Республики Татарстан, Кабинета Министров Республики Татарстан.

Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать аспекты репродуктивного, генеративного и брачного поведения мужчин с учетом их религиозной принадлежности как фактора, определяющего формирование образа семьи, предполагаемого традиционными религиями.

Обзор литературы. В XXI в. произошли существенные изменения в структуре семьи. Положение классической нуклеарной семьи изменилось с нормы на один вариант из многих, а понимание семьи диверсифицировалось. Таким образом, биологически детерминированные представления о родительстве начали разрушаться. Хотя стоит отметить, что до сих пор не изучен в полной мере вопрос о восприимчивости биологического отца в качестве социального [2].

Современное общество характеризуется отличной от прежних исторических периодов структурой распределения супружеских обязанностей – женщины стали уделять домашнему хозяйству меньше времени и осуществлять свою трудовую деятельность наравне с мужчинами, а мужчины стали активно включаться в домашнюю деятельность; при этом по-прежнему большая доля домашних обязанностей и заботы о членах семьи ложится на плечи женщин. Как пишут отечественные ученые, «в тот период, когда формировались представления об образе идеального работника, интенсивно вовлеченного в работу, складывались и представления об образе интенсивного материнства»¹.

¹ Родительский труд: возможности государственного регулирования : моногр. / А. П. Багирова [и др.] ; под общ. ред. А. И. Ворошиловой, проф. А. П. Багировой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 196 с.

Промышленная революция установила систему «добытчик – домохозяйка». С тех пор роль отца как заботливого воспитателя и образца для подражания была обесценена. В системе «добытчик – домохозяйка» мужчины были единственными кормильцами в семье, а женщины были домохозяйками полный рабочий день, не имея посторонней или оплачиваемой работы. Таким образом, дети и дом возлагались на женщин, и мужчины не несли за них никакой ответственности. Сегодня мало обществ, в которых все еще преобладает данная модель, однако роль отца еще не восстановлена во всей своей сущности. На практике отцовство получает мало признания. Общество, институциональные учреждения и организации не способствуют полноценному развитию мужчин в роли отцов².

В научной литературе большое внимание уделяется изучению вопросов материнства, при этом к исследованию института отцовства интерес появился только в последние годы. Подходы к отцовству широко варьируются от тех, в которых главный фокус направлен на основную заботу о том, чтобы быть дисциплинарным и кормильцем, до иных, в которых авторы сосредоточены на воспитании и уходе за детьми со многими возможными типами и комбинациями между ними. Происходит трансформация модели отцовства от «отсутствующего отца» к «вовлеченному отцу» [3]. Культуры с более вовлеченными отцами, как правило, более мирные и имеют больше гендерного равенства [4].

При анализе института отцовства и отдельных критериев классификации типов отцовства важно опираться на базовые, фундаментальные труды теоретиков и практиков: теоретико-методологические подходы к феномену отцовства [5–14], поведенческим и ценностным ориентациям молодых людей в вопросах брака и семьи [15; 16], общественным образам отцовства [17; 18] и т. д. Зарубежные исследователи определили корреляцию между суммарным коэффициентом рождаемости и Индексом человеческого развития [19; 20], выявили взаимосвязь между активной включенностью отца в уход за детьми и устойчивостью супружеских отношений [21], определили индикаторы, позволяющие замерить объем и качество отцовской активности [22; 23]. Л. Сейер, С. М. Бианчи, Дж. П. Робинсон проанализировали изменения в характере отцовской заботы на протяжении времени [24]. Другими учеными изучен социально-стратификационный контекст отцовства³ [25–30].

Духовные аспекты отцовства сегодня раскрываются во многих исследованиях, в которых ставится задача изучить влияние духовного развития

² Engaged Fatherhood for Men, Families and Gender Equality Healthcare, Social Policy, and Work Perspectives / ed. by M. Grau-Grau [et al.]. Springer, 2022. 325 p.

³ Sunstein C. Social Norms and Social Roles // Columbia Law Review. 1996. Vol. 96, issue 4. Pp. 903–968; Pagel M. Wired for Culture: Origins of the Human Social Mind. New York : Norton, 2012. 416 p.; Patten T., Parker K. A Gender Reversal on Career Aspiration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2012/04/19/a-gender-reversal-on-career-aspirations/> (дата обращения: 28.11.2021); Lamb M. E. A Biosocial Perspective on Paternal Behavior and Involvement // Parenting Across the Lifespan: Biosocial Dimensions / M. E. Lamb [et al.]. Hawthorne, New York : Aldine de Gruyter, 1987. Pp. 111–142. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315126005-7>

общества на формирование ответственного института отцовства⁴. Отцовство является конструкцией, которая встроена в социальный контекст, а не только основана на генетических факторах. Соответственно, отцовство принципиально отличается от материнства [2]. Отцовство как социально сконструированная сущность может быть изменено посредством повседневного взаимодействия культурных ожиданий и/или религиозных влияний⁵. Зарубежные ученые осуществляют попытку изучить процессы, посредством которых религия информирует о значении отцовства и участии отцов в определенном социальном контексте [31]. При изучении темы новых практик и идеалов отцовства необходимо сделать акцент на практике ухода и концепции заботы, поскольку забота о близких людях в виде детей и более широкой семьи формирует не только идеи вовлеченного отцовства, но и стремление быть хорошим представителем своей религии [32].

Несмотря на большой пласт работ по становлению и трансформации института отцовства, возникает необходимость более детального исследования ряда аспектов формирования института семьи, в том числе с учетом религиозной идентичности мужчин. То, как социальные, культурные и исторические контексты формируют процесс того, как мужчины становятся отцами детей, и какие специфические для культуры процессы позволяют мужчинам стать вовлеченными отцами, редко рассматривается.

Материалы и методы. Информационной базой исследования послужили данные прикладного социологического исследования «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса», выполненного в рамках реализации гранта РФФИ. В исследовании применялся метод анкетирования, инструментарий включал в себя 68 вопросов. В опросе, проведенном авторами статьи⁶, приняли участие 1 353 респондента (мужчины) двух субъектов – Республики Татарстан и Вологодской области, репрезентирующие модели генеративного поведения, характерные для Приволжского и Северо-Западного федеральных округов Российской Федерации. Выборка сплошная, на последнем этапе гнездовая. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству. Обработка данных исследования осуществлялась с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS Statistics.

⁴ Шиманский Г. И. Христианская добродетель целомудрия и чистоты: По учению святых отцов и подвижников православной церкви. М. : Данилов. благовестник, 1997. 477 с.; Арсеньев Н. С. Духовные традиции русской семьи // Православие в жизни : сб. ст. / под ред. С. С. Верховского. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953 (New York: Rausen Bros.). С. 213–239.

⁵ Lorber J. Paradoxes of Gender. Yale University Press, 2008. 546 p.

⁶ Федеральная служба по интеллектуальной собственности выдала Центру семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021621560 «Социологическое исследование “Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса”» на платформе IBM SPSS STATISTICS. Правообладатель: Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан». Автор: Ильдарханова Чулпан Ильдусовна.

Для проведения сравнительного анализа были сделаны двумерные и многомерные таблицы корреляции по различным факторам: регион проживания, религиозная принадлежность, наличие детей, желание респондентов иметь (еще одного) ребенка, желание супруги в оценках респондента иметь (еще одного) ребенка, желание респондентов походить на своего отца, желание респондентов воспитывать собственных детей так же, как их воспитывали их родители, готовность респондентов воспитывать приемных детей.

Для описания полученных данных использован тезаурусный анализ, метод параллельных данных, факторный анализ, применены экономико-статистические и социологические методы обработки результатов исследования. В том числе был проведен компаративный анализ ответов респондентов по критерию «вера» с уточнением ряда позиций по дополнительному критерию «конфессия». На основании полученных методов выявлены ценностные ориентации мужчин (отцов) с учетом влияния их религиозной принадлежности на генеративное поведение.

Результаты исследования. Анализ полученных эмпирических данных выявил, что аспекты самоидентификации верующего (или неверующего) человека выражают его разное внутреннее состояние, определяют его ценностные ориентации, в том числе в рамках брачного и репродуктивного поведения. Идентификация с определенной конфессией влияет на оценочные суждения опрошенных мужчин в рассматриваемых вопросах. Вместе с тем позиционирование себя как верующего либо как последователя конкретного религиозного направления далеко не в полной мере определяет ретрансляцию полученных в рамках исследования ответов на все сообщество верующих (или неверующих) мужчин либо представителей той или иной конфессии. Выбранные и оцениваемые маркеры «вера», «христианство», «ислам», «иная конфессия», скорее, выступают некоторыми общественными ориентирами для респондентов, нежели критериями их внутреннего, личностного выбора. Даже в этом приближенном представлении позиционирования идентичности в контексте того или иного маркера можно отметить предпосылки трансформации социального и отчасти личного поведения опрошенных мужчин.

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» в среднем по выборке отмечается утверждением позиции у каждого второго респондента. Среди доминантных национальностей, представленных в исследовании, утвердительная позиция выбрана в сопоставлении в 60,1 % случаев русскими и в 36,9 % – татарами, а отрицательная – в 75,7 % случаев русскими и в 23,4 % – татарами. Среди всех опрошенных русских 45,5 % ответили утвердительно, 38,4 % – отрицательно, среди всех опрошенных татар 60,6 % выбрали утвердительный ответ и 25,5 % – отрицательный.

Интересно отметить, что среди тех, кто относит себя к христианам, одновременно верующими определяют себя 73,7 % респондентов, но 22,9 % при этом затрудняются ответить на вопрос «Вы считаете себя верующим

человеком?». Среди тех, кто относит себя к исламу, 81,0 % самоидентифицируются как верующие, 15,4 % – затруднились ответить. Также в обеих группах есть те, кто отрицательно ответил на вопрос об определении себя верующими, но они представлены в небольшом количестве. Подобное распределение подтверждает факт преемственности религиозной принадлежности, которая условно передается в рамках семьи.

Из тех, кто определяет себя верующим, 25,8 % – причисляют себя к выбранной конфессии в силу того, что вся их семья относится к данной религии; еще 26,9 % – верят и совершают обряды, оставшиеся 50,0 % – верят, но обряды не совершают. Таким образом, принадлежность к вере носит условный характер, равно как и принадлежность конфессии не несет внутренней готовности следовать основным догматическим постулатам выбранной религии.

В контексте темы статьи важно отметить особенности формирования религиозного аспекта отцовства в сопоставлении с территорией проживания, в частности в распределении по представленным выбранным подгруппам двух субъектов Российской Федерации.

В целом, отвечая на вопрос, считают ли респонденты себя верующими, отмечается чуть большая доля положительных ответов среди респондентов Республики Татарстан (59,9 % против 39,9 % в Вологодской области).

При этом для представителей Вологодской области очевидна доминанта выбора в качестве религиозной принадлежности «христианство», так ответили 95,5 % респондентов из Вологодской области. В то время как для представителей Республики Татарстан отмечается дифференциация религиозного выбора: 39,7 % респондентов причисляют себя к «христианам», 56,5 % – идентифицируют себя с исламом. Выбор иных конфессий крайне мал среди респондентов обоих регионов – менее 3 %.

Традиционно верует, т. е. причисляет себя к той или иной религии по причине того, что вся семья относит себя к соответствующей конфессии, примерно в равной степени каждый третий из отвечавших в обоих рассматриваемых регионах (27,9 % респондентов Республики Татарстан и 33,2 % представителей Вологодской области). При этом «верить по привычке» в большей степени склонны все же респонденты Вологодской области – наследуя традиционно (в рамках малой социальной группы – семьи) конфессию (в подавляющем большинстве это христианство), респонденты данной подвыборки в большей степени реализуют свою веру пассивным участием в соответствующих религиозных действиях, обрядах (определяя степень своей причастности к вере и характер ее позиционирования, выбрали позицию «посещая церковь, участвуя в обрядах») 72,6 % отвечавших представителей Республики Татарстан и 27,4 % представителей Вологодской области). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для респондентов Вологодской области религия представляется значимым и неотъемлемым компонентом тезауруса, который влияет на формирование поведенческих ориентаций, в том числе и в рамках

семейно-брачных отношений. Однако данный аспект укореняется в своем традиционализме, наследуясь преемственно, в рамках малого социального окружения, без активного участия непосредственно в соответствующих религиозных общинах. Он трансформируется в некоторый социально-ценностный атрибут (рудимент), во многом уже далекий от реальной ценностной концепции соответствующей религиозной конфессии. В то время как представители Республики Татарстан хоть и более осторожно утверждают свою причастность к некоторой конфессии, все же в случае своей идентификации занимают активную позицию участия в жизни религиозной общины, ретранслируя те нормы и ценности, в том числе и в рамках семейно-брачных отношений, которые формирует соответствующая конфессия. При этом важно подчеркнуть, что среди отвечавших респондентов Республики Татарстан практически 40 % – это представители христианства.

В демонстрации ряда позиций брачного и репродуктивного поведения также можно отметить некоторые отличия в дифференциации распределения по группам и соотношения с позицией веры и конфессии.

Вовлеченность мужчин в отцовство и реальная социальная ответственность за воспитание детей проявляются при структурировании отношений отцов и детей после расторжения брака, в котором был рожден ребенок. В частности, это можно проследить по тому, с кем проживают дети после развода. С учетом сложившейся традиции, обусловленной социальным предназначением женщины быть матерью, а также предпочтением решений суда в пользу матери при рассмотрении дел об опекунов, половина опрошенных мужчин вне зависимости от их религиозной идентичности или ее отсутствия указали, что при наличии детей от первого брака дети проживают с матерью. В то же время велика доля мужчин, отметивших, что дети от предыдущего брака проживают с ними и с их новыми супругами – среди верующих доля таковых 29,3 %, неверующих – 21,1 %. Позицию «с другими родственниками» выбирали чуть чаще те, кто определяют себя как неверующие (15,8 % против 9,8 %).

В распределении конфессиональной принадлежности чуть меньше представителей ислама ответили отрицательно на вопрос о готовности воспитывать приемных детей, представители христианства и иных конфессий примерно в половине ответов выбрали позиции, характеризующие в целом неготовность воспитывать приемных детей. Тех, кто ответил утвердительно на данный вопрос, мало среди всех вариантов конфессий, но достаточно много тех, кто затруднился с ответом, здесь больше ответов среди представителей ислама. Перспективный потенциал по воспитанию приемных детей в собственной семье в целом зафиксирован в группе мужчин, исповедующих ислам.

Желание иметь (еще одного) ребенка у жен респондентов той или иной конфессии больше среди тех, кто позиционирует себя как приверженца иных конфессий (50,0 %), в меньшей степени данное желание у жен респондентов

возникает среди тех, кто не верует (45,2 %) либо позиционирует себя как христианин (46,9 %).

Сами же опрошенные мужчины выражают желание иметь (еще одного) ребенка в примерной согласованности со своими супругами (в оценках респондентов), преимущественно отрицая подобное желание в группах неверующих (47,7 %) и христиан (45,7 %) и, наоборот, утверждая данное желание в группах приверженцев иных конфессий (45,5 %) и в группе последователей ислама (41,5 %). При этом христиане ориентируются в собственном репродуктивном поведении на 2 детей, представители ислама – на 2–3 детей, представители иных конфессий (в выборке их доля невелика) – на 3 детей.

По итогам рассмотренных вопросов можно сделать вывод относительно большей активности в репродуктивном поведении и больших ожиданий у представителей группы «иное» в отношении конфессий. Противоположной яркой группой, нивелирующей значимость репродуктивного поведения, выступает группа «неверующих». «Христиане» несколько сдержаны в своих желаниях, придерживаются традиционной семьи, определяемой по характеру простого воспроизводства (2 родителя + 2 ребенка). Опрошенные мусульмане ориентируются на расширенное воспроизводство, но вместе с тем доля таковых не является доминантной среди прочих ответов последователей данной конфессии.

Особенности формирования репродуктивного поведения также обуславливаются имеющейся ценностной и поведенческой моделью, сформированной в представлениях респондентов в рамках их малых групп – семей. В этой связи показательными являются ответы на вопросы о характере воспитания собственных детей в корреляционной зависимости от воспитания самих респондентов и вопросы о значимости отца как главы семьи и определяющего авторитета формирования и развития малой социальной группы.

Одной из гипотез исследования являлось влияние модели воспитания родителей опрошенных мужчин на готовность воспроизводить ее в собственном отцовском опыте. Примерно половина представителей подгрупп «христианство», «ислам», «не верю» выбрали утвердительный ответ «да, также». Для представителей «иных» конфессий определяющей в ответах стала позиция «не совсем так, как они» (43,5 %). Позиция «вообще иначе» является значимой для группы «иных» конфессий в преобладающем количестве выбора данного ответа в сравнении с прочими группами.

Фигура родного отца выступает идентификационным ориентиром для четверти респондентов – практически в равной степени по всем рассматриваемым группам опрошенные мужчины вне зависимости от их религиозной принадлежности хотели бы походить на своего отца во всем. Основной по значимости позицией выбора в данном вопросе выступает «в чем-то хотел бы, в чем-то нет» – примерно половина респондентов в каждой группе выбрали эту позицию. Ответ «нет, не хотел бы» преобладает в качестве выбора у группы «не верю» (35,1 %).

В отношении рассмотренных факторов репродуктивного поведения опрошенных мужчин можно привести уточняющие оценки в части определения корреляционных связей между позициями (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Корреляционные оценки ряда факторов репродуктивного поведения респондентов

Table 1. Correlation estimates of a number of reproductive behavior factors of respondents

Показатель / Indicator	Столбец 1 / Column 1	Столбец 2 / Column 2	Столбец 3 / Column 3	Столбец 4 / Column 4	Столбец 5 / Column 5
Столбец 1 / Column 1	1				
Столбец 2 / Column 2	0,88	1			
Столбец 3 / Column 3	-0,31	-0,71	1		
Столбец 4 / Column 4	-0,67	-0,94	0,85	1	
Столбец 5 / Column 5	0,17	0,61	-0,92	-0,84	1

Примечание / Note. В качестве факторов для корреляционных оценок были выбраны следующие: «желание респондентов иметь (еще одного) ребенка» (столбец 1), «желание супруги в оценках респондента иметь (еще одного) ребенка» (столбец 2), «желание респондентов походить на своего отца» (столбец 3), «желание респондентов воспитывать собственных детей также, как их воспитывали их родители» (столбец 4), «готовность респондентов воспитывать приемных детей» (столбец 5) / The following factors were selected as factors for correlation estimates: “respondents’ desire to have (one more) child” (column 1), “the spouse’s desire in the respondent’s estimates to have (one more) child” (column 2), “respondents’ desire to resemble their father” (column 3), “respondents’ desire to raise their own children as well as their parents raised them” (column 4), “respondents’ willingness to raise foster children” (column 5).

Наибольшая степень положительной корреляции характерна для факторов «желание респондентов иметь (еще одного) ребенка» (столбец 1), «желание супруги в оценках респондента иметь (еще одного) ребенка» (столбец 2) (0,88), что может быть объяснимо субъективностью позиции самого респондента.

Наибольшая степень отрицательной корреляции характерна для факторов «желание супруги в оценках респондента иметь (еще одного) ребенка» (столбец 2), «желание респондентов воспитывать собственных детей также, как их воспитывали их родители» (столбец 4) (-0,94), «желание респондентов походить на своего отца» (столбец 3), «готовность респондентов воспитывать приемных детей» (столбец 5) (-0,92), что может свидетельствовать об отсутствии устойчивой ценностной установки респондентов

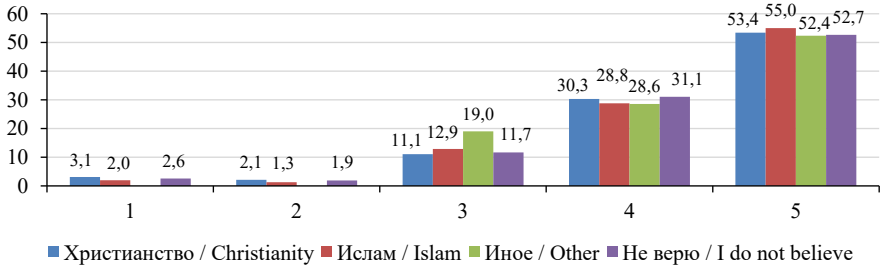
в отношении репродуктивного поведения, о наличии социального одиночества в семье, которое формируется преемственно от собственной семьи к создаваемой.

Отвечая на вопрос «Какие у Вас отношения со своими родителями?», респонденты в доминанте отмечают позицию «отличные, всем такие пожелаю» («христианство» – 53,5 %, «ислам» – 71,8, «иное» – 40,0, «не верю» – 48,4 %). В этой связи, несомненно, значимой данная позиция является для представителей ислама. В целом фактор отношений с родителями имеет большее значение для представителей традиционных религий (в рамках данного исследования – «христианство» и «ислам»). В некоторой девиации к прочим ответам выступает выбор позиции «обычные, иногда созваниваемся» представителями группы «иное» в определении конфессии (32,0 %).

Респонденты не в полной мере согласны с тем, что главной ролью мужчины является зарабатывание денег, а женщины – выполнение работы по домашнему хозяйству. Вместе с тем есть ряд позиций, отличных от общего распределения: позицию «абсолютно согласен» выбрали 30,5 % представителей «ислама», что на 4–10 п. п. больше, чем ответов представителей иных групп; в этом вопросе последователи ислама в большей степени солидарны с представителями группы неверующих. С другой стороны, несогласных с данным утверждением больше среди представителей группы «иное» (20,8 %, что на 8,5 п. п. больше, чем ответов у христиан, и на 15 п. п. – чем у представителей ислама).

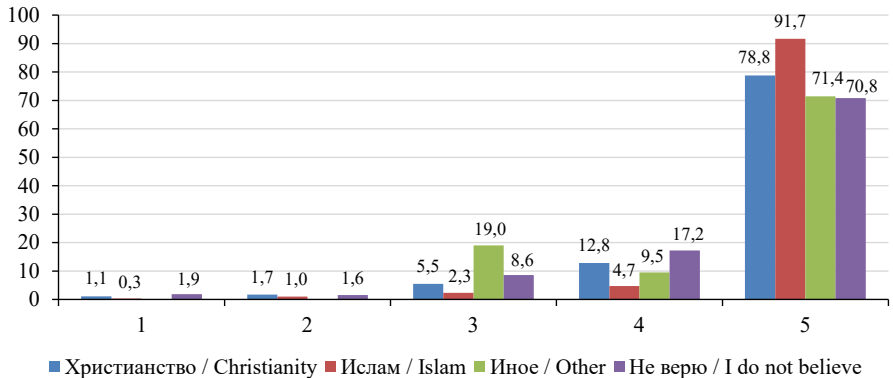
Опрошенные мужчины в целом по выборке оценивают работу в своей жизни как значимую составляющую; наиболее популярными ответами были «4 балла» и «5 баллов» по 5-балльной шкале оценок, где 5 отражает наибольшую значимость рассматриваемого фактора (рис. 1). При этом важно отметить примерную равномерность в определении степени ценности работы между представителями разных конфессий, а также тех, кто отнес себя к категории «не верю». С очень незначительными различиями представители группы «иное» являются доминирующими в выборе позиций «3 балла» и «5 баллов», чуть в большей степени можно отметить выраженную тенденцию для «христиан» тяготеть в ответах к позиции «4 балла» и далее снижать свои предпочтения в отношении работы.

Сопоставляя ответы, определяющие ценность работы с аналогичным вопросом о значимости семьи (рис. 2), важно подчеркнуть очевидную доминанту выбора позиции «5 баллов» для представителей всех подгрупп выборки. Расчет среднего арифметического значения по вопросам, касающимся ценности семьи и работы, выявил, что для всех изучаемых категорий респондентов характерна важность семьи относительно работы: средний балл у представителей христианства 4,29 (работа) против 4,66 (семья), у представителей мусульманской религии – 4,33 и 4,86, у представителей иных конфессий – 4,33 и 4,42 и у неверующих – 4,30 и 4,53 соответственно.

Р и с. 1. Распределение оценок респондентов о значимости работы (по 5-балльной шкале, где 5 – балл максимальной значимости), %

F i g. 1. Distribution of respondents' assessments of the significance of the work (on a five-point scale, where 5 is the maximum significance score), %

Р и с. 2. Распределение оценок респондентов о значимости семьи (по 5-балльной шкале, где 5 – балл максимальной значимости), %

F i g. 2. Distribution of respondents' assessments of the importance of the family (on a five-point scale, where 5 is the maximum significance score), %

Причем интересно также распределение мест в детерминации семьи как значимой категории в жизни респондентов: на первом месте – опрошенные мусульмане, затем – христиане, далее – представители иных конфессий, и завершают список представители группы неверующих. Возможно ли в данном случае определить детерминирование религиозным воспитанием формирования ценности «семьи» в мировоззрении респондентов? Однако подобная корреляция очевидно прослеживается в результатах опроса.

Некоторые дополнительные корреляционные связи между поведенческими установками респондентов в отношении семьи и работы отметим в рамках корреляционной матрицы (табл. 2).

Таблица 2. Корреляционные оценки значимости факторов «работа» и «семья» для респондентов

Table 2. Correlation estimates of the significance of the factors “work” and “family” for respondents

Показатель / Indicator	1 балл (работа) / 1ball (work)	2 балла (работа) / 2 balls (work)	3 балла- работа / 3 balls (work)	4 балла (работа) / 4 balls (work)	5 баллов (работа) / 5 balls (work)	1 балл (семья) / 1 ball (family)	2 балла (семья) / 2 balls (family)	3 балла (семья) / 3 balls (family)	4 балла (семья) / 4 balls (family)	5 баллов (семья) / 5 balls (family)
1 балл (работа) / 1ball (work)	1									
2 балла (работа) / 2 balls (work)	0,98	1								
3 балла-работа / 3 balls (work)	-0,99	-0,98	1							
4 балла (работа) / 4 balls (work)	0,92	0,96	-0,93	1						
5 баллов (работа) / 5 balls (work)	-0,85	-0,93	0,86	-0,97	1					
1 балл (семья) / 1 ball (family)	0,70	0,81	-0,70	0,89	-0,96	1				
2 балла (семья) / 2 balls (family)	0,96	0,99	-0,96	0,98	-0,96	0,87	1			
3 балла (семья) / 3 balls (family)	-0,81	-0,74	0,84	-0,68	0,52	-0,29	-0,68	1		
4 балла (семья) / 4 balls (family)	0,44	0,56	-0,42	0,63	-0,77	0,89	0,64	0,11	1	
5 баллов (семья) / 5 balls (family)	0,14	0,02	-0,18	-0,06	0,26	-0,49	-0,07	-0,67	-0,81	1

По результатам представленного корреляционного анализа выполнена типологизация на группы.

Первая группа – «*нигилисты*» – с оценками устойчивой положительной корреляции между позициями «1–2 балла в выборе позиции “семья”» и «1–2 балла в выборе позиции “работа”». Группа тех, кто ощущает малую значимость в своей жизни как семьи, так и работы.

Вторая группа – «*группа компромисса*» – с оценками положительной корреляции между позициями «4 балла в выборе ответа “семья”» и «4 балла в выборе ответа “работа”» (0,66). Уровень корреляционной связи отражает значимость и работы, и семьи в определенном объеме в жизни респондентов, представители данной группы стараются достичь некоторого баланса собственной включенности и в социальные связи работы, и в социальные связи семьи.

Третья группа – «*работоголики*» – с устойчивой обратной корреляцией между позициями «4 балла при выборе ответа “семья”» и «5 баллов при выборе ответа “работа”» (-0,77). Представители данной группы, несомненно, свой выбор делают в пользу работы, отказываясь от интересов семьи и, собственно, от семьи в структуре собственного ценностного мироощущения.

Регрессионные оценки значимости позиций предпочтений «работа»/«семья» в распределении по конфессиональной принадлежности позволяют сделать вывод о наличии и устойчивости выявленной зависимости, а также степени чувствительности изменений отношения к одному фактору в сравнении с отношением к другому (табл. 3). В представленных парных регрессионных моделях определяется характер зависимости отношения к выбору компонента «работа» (y переменная – независимая) в сопоставлении с изменением отношений выбора компонента «семья» (x переменная – зависимая).

Таблица 3. Регрессионные оценки соотношения факторов «работа»/«семья» в ценностном мироощущении респондентов

Table 3. Regression estimates of the ratio of factors “work” / “family” in the value attitude of respondents

Показатель / Indicator	Христианство / Christianity	Ислам / Islam	Иное / Other	Не верю / I don't believe
R^2	0,84	0,78	0,87	0,86
F знач. / F significance	0,027	0,046	0,019	0,021
df			5	
β	0,605	0,49	0,7	0,69
t-статистика / t-statistics	4,04	3,28	4,59	4,43
Стандартная ошибка / Standard error	0,14	0,15	0,15	0,15
t-критерий / t-criterion			2,57	

В представленных парных регрессиях коэффициенты при зависимых переменных являются значимыми и отражают дилемму выбора «работа – семья» для всех категорий респондентов вне зависимости от конфессии, причем чувствительность рассматриваемых коэффициентов представлена в большей степени для категорий «христианство», «иное», «не верю» и чуть меньше для категории «ислам», однако во всех четырех подгруппах преимущество выбора осуществляется в пользу семьи в сравнительном соотношении.

Период локдауна, весной 2020 г., позволил отцам больше времени проводить с семьей, детьми. Анализ ответов респондентов по вопросу, касающемуся влияния самоизоляции на образ жизни, выявил различия в ответах респондентов в зависимости от их вероисповедания. Среди неверующих меньший процент тех, кто был рад возможности проводить больше времени с семьей и детьми, активно участвовал в домашних делах, общался с детьми (33 %), среди верующих – 43 %. Данная зависимость выявлена и по отношению частоты проведения времени со своим ребенком по времени больше 1 часа. Так, 57 % отцов, относящих себя к группе неверующих, в течение текущих 7 дней разговаривали, играли, вместе делали домашнее задание, ходили в кино с ребенком. Среди отцов, исповедующих христианство и ислам, таких 66 %. При этом мусульмане чаще проводят время с детьми, чем христиане (71 % и 61 % соответственно).

Обсуждение и заключение. Таким образом, в ходе исследования выявлено влияние религиозной принадлежности на формирование моделей отцовского поведения. Конфессиональное распределение опрошенных мужчин подчеркивает некоторые особенности мировосприятия мужчин, обусловленные религиями, в части формирования образа семьи: аспекты детерминации образа отца и, соответственно, поведение самих респондентов, аспекты репродуктивного, генеративного и брачного поведения, аспекты ролевого распределения в семьях, ожидания количества детей, ориентации на воспитание и соучастие взрослению детей в семье:

– семья в отличие от работы занимает более важное место в жизни мужчины, особенно это выражено в ответах респондентов, относящих себя к христианству и исламу;

– религиозная принадлежность мужчин влияет на их желание иметь больше одного ребенка: христиане склоняются к двухдетности, мусульмане – к двух- и многодетности. Среди неверующих меньше процент желающих стать многодетным отцом;

– ориентация на рождение и воспитание более 2 детей свойственна не всем представителям традиционных религий, что, по сути, нивелирует в современных условиях ценность многодетности в традиционных исламских или христианских семьях, а соответственно, и сводит на нет ценностное определение семьи как системы ценностного возрастания детей в брачном союзе и прерогативность процесса их воспитания в рамках семейных взаимоотношений;

– происходит изменение восприятия общества, в том числе и самих мужчин, относительно того, что дети после распада семьи должны жить только с матерью. Особенно совместное проживание детей от предыдущего брака в новой семье отца характерно для верующих;

– модель воспитания детей в собственной семье в большей степени формируется на основе прошлых детско-родительских отношений со своими родителями.

Расширенные итоги научного исследования стали основанием для разработки Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан Проекта Стратегии действий в интересах мужчин в Республике Татарстан (включена в Проект Комплексного плана действий Правительства Республики Татарстан по реализации Послания Президента Республики Татарстан Р. Н. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан на 2022 г.), главная цель которой – увеличение длительности и качества отцовско-родительских отношений, снижение высокого уровня мужской смертности.

Полученные в ходе исследования данные способствуют развитию научного направления по изучению родительства, в частности отцовства, с точки зрения религиозной составляющей. Зарубежные исследователи уже предпринимают попытку анализа отцовства через культуру и религию. Российская Федерация является многонациональной и многоконфессиональной страной, в связи с чем нельзя оставлять без внимания данный вопрос, особенно при изучении региональных особенностей субъектов Российской Федерации. Практическая значимость статьи заключается в дальнейшей возможности использования результатов исследования при разработке мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации в стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А. Семейный тезаурус молодых мужчин // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 72–82. doi: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-72-82>

2. Lamberty P., Imhoff R. From Sperm to Fatherhood: An Experimental Approach to Determinants of Paternal Responsibility // Archives of Sexual Behavior. 2019. Vol. 48. Pp. 2217–2228. doi: <https://doi.org/10.1007/s10508-019-01480-5>

3. Sikorska M. From “Absent Father” to “Involved Father”: Changes in the Model of Fatherhood in Poland and Role of Mothers – “Gatekeepers” // Balancing Work and Family in a Changing Society. Global Masculinities. New York : Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 163–175. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-53354-8_11

4. Seward R. R., Stanley-Stevens L. Fathers, Fathering, and Fatherhood Across Cultures // Parenting Across Cultures. Science Across Cultures: The History of Non-Western Science / ed. by H. Selin. Springer, 2014. Pp 459–474. doi: https://doi.org/10.1007/978-94-007-7503-9_34

5. Звонарева А. Е. Теоретико-методологические подходы к изучению отцовства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 127–134. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/nomera?anum=10748> (дата обращения: 25.11.2021).

6. Мальцева Д. В. Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 272–289. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-otcovstva-v-sovremennoy-zapadnoy-sotsiologii> (дата обращения: 14.11.2021).

7. Гафизова Н. Б., Смирнова Д. И. Отцовство как социальный феномен в полных семьях и неполных (вследствие развода) (на примере г. Иваново) // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 67–77. URL: <https://womaninrussiansociety.ru/article/gafizovana-b-smirnova-d-i-otcovstvo-kak-socialnyj-fenomen-v-polnyx-semyax-i-nepolnyx-vsledstvie-razvoda-na-primere-g-ivanovo-str-67-77/> (дата обращения: 15.11.2021).

8. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48–73. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>

9. Кон И. С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 1. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_1/Kon_2012_1.pdf (дата обращения: 30.11.2021).

10. Котлярова О. В. Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики // Universum: Филология и искусствоведение. 2015. № 9-10 (22). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/2650> (дата обращения: 10.11.2021).

11. Сухушина Е. В., Абрамова М. О., Рыкун А. Ю. Современные образы маскулинности // Вестник науки Сибири. 2017. № 4 (27). С. 168–180. URL: <http://sjs2.tpu.ru/journal/article/view/1616> (дата обращения: 17.10.2021).

12. Зурабов А. Отец и дочь // Дошкольное воспитание. 2006. № 4. С. 117–120.

13. Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953) // Journal of Cold War Studies. 2017. Vol. 1, issue 1. Pp. 193–219. doi: https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00722

14. Prince Cooke L. Doing' Gender in Context: Household Bargaining and Risk of Divorce in Germany and the United States // American Journal of Sociology. 2006. Vol. 112, no. 2. Pp. 442–472. doi: <https://doi.org/10.1086/506417>

15. Егорова Н. Ю., Рябинская Е. С. Представления студенческой молодежи о роли отца в современной семье // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 99–105. URL: http://www.vestnik-soc.unn.ru/files/Финал_макета_СоцНауки_№_2_2019.pdf (дата обращения: 11.11.2021).

16. Кажухметова А. К. Роль социологического исследования ценностных ориентаций семей в совершенствовании деятельности комплексного центра социального обслуживания // Работник социальной службы. 2012. № 6. С. 81–89.

17. Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_11/Bezrukova.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

18. Сергеева Т. Б., Дергунова А. А., Тептина Д. А. Исследование представлений о «настоящем мужчине» и «настоящей женщине» в юношеском возрасте // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1721–1725. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86371.htm> (дата обращения: 30.11.2021).
19. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. C. Advances in Development Reverse Fertility Declines // *Nature*. 2009. Vol. 460. Pp. 741–743. doi: <https://doi.org/10.1038/nature08230>
20. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. C. High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link. MPIDR Working Paper WP-2011-017. 2011. 55 p. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2011-017.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).
21. Schober P. Paternal Child Care and Relationship Quality: A Longitudinal Analysis of Reciprocal Associations // *Journal of Marriage and the Family*. 2012. Vol. 74. Pp. 281–296. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00955.x>
22. Yeung J., Glauber R. Time Use Patterns for Children in Low-Income Families. Paper Presented to Childhood Poverty Seminar. Utah, 2004. 67 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/260600101_Time_Use_for_Children_in_Low-income_Families (дата обращения: 21.11.2021).
23. Pleck J. H., Masciadrelli B. P. Parental Involvement: Levels, Sources and Consequences // *The Role of the Father in Child Development* / ed. by M. E. Lamb. New Jersey : John Wiley and Sons, 2004. Pp. 222–271. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2004-13687-009> (дата обращения: 13.11.2021).
24. Sayer L., Bianchi S. M., Robinson J. P. Are Parents Investing Less in Children? Trends in Mothers' and Fathers' Time with Children // *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 110, no. 1. doi: <https://doi.org/10.1086/386270>
25. Frangis R. S. Why Men Won't ask for Directions: The Seductions of Sociobiology. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2004. 325 p. URL: <https://archive.org/details/whymenwontaskfor0000fran> (дата обращения: 13.11.2021).
26. Longitudinal Evidence that Fatherhood Decreases Testosterone in Human Males / L. Gettler [et al.] // *Proceeding of the National Academy of Science*. 2011. Vol. 108, no. 39. Pp. 16194–16199. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.1105403108>
27. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist Beliefs about Social Categories // *British Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 39, issue 1. Pp. 113–127. doi: <https://doi.org/10.1348/014466600164363>
28. Prentige D., Carranza E. What Women and Men should be, shouldn't be, are allowed to be, and don't have to be: The Contents of Prescriptive Gender Stereotypes // *Psychology of Women Quarterly*. 2002. Vol. 26, issue 4. Pp. 269–281. doi: <https://doi.org/10.1111/1471-6402.t01-1-00066>
29. Sandberg J. F., Hofferth S. L. Changes in Children's Time with Parents: US 1981–1997 // *Demography*. 2001. Vol. 38, issue 3. Pp. 423–436. doi: <https://doi.org/10.2307/3088356>
30. Bianchi S. M. Maternal Employment and Time with Children: Dramatic Change or Surprising Continuity? // *Demography*. 2000. Vol. 37, issue 4. Pp. 401–414. doi: <https://doi.org/10.1353/dem.2000.0001>
31. Kim S., Quek K. M.-T. Transforming Fatherhood: Reconstructing Fatherhood Through Faith-Based Father School in South Korea // *Review of Religious Research*. 2013. Vol. 55. Pp. 231–250. doi: <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0104-7>

32. Grüner J. S. Emergent Fatherhood: New Articulations of Fatherhood among Muslim Men in Denmark // *Contemporary Islam*. 2021. Vol. 15. Pp. 233–247. doi: <https://doi.org/10.1007/s11562-020-00455-x>

Поступила 30.11.2021; одобрена после рецензирования 24.12.2021; принята к публикации 11.01.2022.

Об авторах:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, chulpanildusovna@gmail.com

Гневашева Вера Анатольевна, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>, Researcher ID: E-3157-2014, Scopus ID: 57197809094, vera_cos@rambler.ru

Абдульязнов Артур Рашидович, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2188-4277>, artur.abdulzhanov.68@bk.ru

Пятинина Оксана Ренатовна, аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 23/6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3729-9013>, pyatininaoxana@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Ч. И. Ильдарханова – определение методологии научного проекта; реализация эмпирического исследования, по итогам которого подготовлена статья; критический анализ и доработка текста.

В. А. Гневашева – анализ и описание полученных данных; формулирование выводов.

А. Р. Абдульязнов – анализ полученных данных; подготовка текста статьи.

О. Р. Пятинина – анализ полученных данных; подготовка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ildarkhanova Ch.I., Gnevasheva V.A. Family Thesaurus of Young Men. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2021;14(2):72–82. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-72-82>

2. Lamberty P., Imhoff R. From Sperm to Fatherhood: An Experimental Approach to Determinants of Paternal Responsibility. *Archives of Sexual Behavior*. 2019;48:2217–2228. doi: <https://doi.org/10.1007/s10508-019-01480-5>
3. Sikorska M. From “Absent Father” to “Involved Father”: Changes in the Model of Fatherhood in Poland and Role of Mothers – “Gatekeepers”. In: Crespi I., Ruspini E. *Balancing Work and Family in a Changing Society. Global Masculinities*. New York: Palgrave Macmillan; 2016. p. 163–175. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-53354-8_11
4. Seward R.R., Stanley-Stevens L. Fathers, Fathering, and Fatherhood Across Cultures. In: Selin H., ed. *Parenting Across Cultures. Science Across Cultures: The History of Non-Western Science*. Springer; 2014. p. 459–474. doi: https://doi.org/10.1007/978-94-007-7503-9_34
5. Zvonareva A.E. Theoretical and Methodological Foundations of Research into Paternity Practices. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2019;(2):127–134. Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=10748> (accessed 25.11.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Maltseva D.V. Theoretical Approaches to the Study of Fatherhood in Modern Western Sociology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2010;(5):272–289. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-otsovstva-v-sovremennoy-zapadnoy-sotsiologii> (accessed 11.14.2021). (In Russ.)
7. Gafizova N.B., Smirnova D.I. The Fatherhood as a Social Phenomenon in Complete and Incomplete (due to divorce) Families (The Example of Ivanovo). *Woman in Russian Society*. 2015;(3-4):67–77. Available at: <https://womaninrussiansociety.ru/article/gafizova-n-b-smirnova-d-i-otcovstvo-kak-socialnyj-fenomen-v-polnyx-semyax-i-nepolnyx-vsledstvie-razvoda-na-primere-g-ivanovo-str-67-77/> (accessed 15.11.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. What is “Masculinity”? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;(6):48–73. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>
9. Kon I.S. Gender and Masculinity, Sons and Fathers. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012;(1):48–64. Available at: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_1/Kon_2012_1.pdf (accessed 30.11.2021). (In Russ.)
10. Kotlyarova O.V. Masculinity and Femininity, Maleness and Womanliness as Fundamental Properties in the Format of Genderistics. *Universum: Filologiya i Iskusstvovedenie*. 2015;(9-10). Available at: <https://tuniversum.com/ru/philology/archive/item/2650> (accessed 10.11.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Sukhushina E.V., Abramova M.O., Rykun A.Yu. Contemporary Visions of Masculinity. *Vestnik nauki Sibiri*. 2017;(4):168–180. Available at: <http://sjs2.tpu.ru/journal/article/view/1616> (accessed 17.10.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Zurabov A. Father and Daughter. *Preschool Education*. 2006;(4):117–120. (In Russ.)
13. Riabov O. Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946–1953). *Journal of Cold War Studies*. 2017;1(1):193–219. doi: https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00722

14. Prince Cooke L. “Doing” Gender in Context: Household Bargaining and Risk of Divorce in Germany and the United States. *American Journal of Sociology*. 2006;112(2):442–472. doi: <https://doi.org/10.1086/506417>

15. Egorova N.Yu., Ryabinskaya E.S. How the Young Students Perceive the Role of the Father in a Modern Family. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*. 2019;(2):99–105. Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/files/Финал макета СоцНауки № 2 2019.pdf> (accessed 11.11.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

16. Kazhakhmetova A.K. The Role of Sociological Research of Value Orientations of Families in Improving the Activities of the Integrated Center of Social Services. *Rabotnik sotsial'noi sluzhby*. 2012;(6):81–89. (In Russ.)

17. Bezrukova O.N. Fatherhood in a Transforming Society: The Expectations of Mothers and the Practice of Fathers. *Sociological Studies*. 2013;(11):118–130. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_11/Bezrukova.pdf (accessed 20.11.2021). (In Russ.)

18. Sergeeva T.B., Dergunova A.A., Teptina D.A. Research of Ideas about the “Real Man” and “Real Woman” in Adolescence. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal “Kontsept”*. 2016;(11):1721–1725. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/86371.htm> (accessed 30.11.2021). (In Russ.)

19. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. Advances in Development Reverse Fertility Declines. *Nature*. 2009;460:741–743. doi: <https://doi.org/10.1038/nature08230>

20. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. C. High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link. MPIDR Working Paper WP-2011-017. 2011. Available at: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2011-017.pdf> (accessed 11.11.2021).

21. Schober P. Paternal Child Care and Relationship Quality: A Longitudinal Analysis of Reciprocal Associations. *Journal of Marriage and the Family*. 2012;74:281–296. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00955.x>

22. Yeung J., Glauber R. Time Use Patterns for Children in Low-Income Families. Paper Presented to Childhood Poverty Seminar. Utah, 2004. Available at: https://www.researchgate.net/publication/260600101_Time_Use_for_Children_in_Low-income_Families (accessed 21.11.2021).

23. Pleck J.H., Masciadrelli B.P. Parental Involvement: Levels, Sources and Consequences. In: Lamb M.E., ed. *The Role of the Father in Child Development*. New Jersey: John Wiley and Sons; 2004. p. 222–271. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/2004-13687-009> (accessed 13.11.2021).

24. Sayer L., Bianchi S. M., Robinson J. P. Are Parents Investing Less in Children? Trends in Mothers’ and Fathers’ Time with Children. *American Journal of Sociology*. 2004;110(1). doi: <https://doi.org/10.1086/386270>

25. Frangis R.S. *Why Men Won’t ask for Directions: The Seductions of Sociobiology*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2004. Available at: <https://archive.org/details/whymenwontaskfor0000fran> (accessed 13.11.2021).

26. Gettler L., McDade T., Feranil A., Kuzawa G. Longitudinal Evidence that Fatherhood Decreases Testosterone in Human Males. *Proceeding of the National Academy of Science*. 2011;108(39):16194–16199. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.1105403108>

27. Haslam N., Rothschild L., Ernst D. Essentialist Beliefs about Social Categories. *British Journal of Social Psychology*. 2000;39(1):113–127. doi: <https://doi.org/10.1348/014466600164363>

28. Prentige D., Carranza E. What Women and Men should be, shouldn't be, are allowed to be, and don't have to be: The Contents of Prescriptive Gender Stereotypes. *Psychology of Women Quarterly*. 2002;26(4):269–281. doi: <https://doi.org/10.1111/1471-6402.t01-1-00066>
29. Sandberg J.F., Hofferth S.L. Changes in Children's Time with Parents: US 1981–1997. *Demography*. 2001;38(3):423–436. doi: <https://doi.org/10.2307/3088356>
30. Bianchi S.M. Maternal Employment and Time with Children: Dramatic Change or Surprising Continuity? *Demography*. 2000;37(4):401–414. doi: <https://doi.org/10.1353/dem.2000.0001>
31. Kim S., Quek K.M.-T. Transforming Fatherhood: Reconstructing Fatherhood Through Faith-Based Father School in South Korea. *Review of Religious Research*. 2013;55:231–250. doi: <https://doi.org/10.1007/s13644-013-0104-7>
32. Grüner J.S. Emergent Fatherhood: New Articulations of Fatherhood among Muslim Men in Denmark. *Contemporary Islam*. 2021;15:233–247. doi: <https://doi.org/10.1007/s11562-020-00455-x>

Submitted 30.11.2021; approved after reviewing 24.12.2021; accepted for publication 11.01.2022.

About the authors:

Chulpan I. Ildarkhanova, Director, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Dr. Sci (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, chulpanildusovna@gmail.com

Vera A. Gnevasheva, Senior Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>, Researcher ID: E-3157-2014, Scopus ID: 57197809094, vera_cos@rambler.ru

Artur R. Abdulzyanov, Leading Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2188-4277>, artur.abdulzyanov.68@bk.ru

Oksana R. Pyatinina, Graduate Student, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (23/6 Karl Marx St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3729-9013>, pyatininaoxana@mail.ru

Contribution of the authors:

Ch. I. Ildarkhanova – definition of the methodology of the scientific project; implementation of empirical research, based on the results of which the article was prepared; scientific editing of the article.

V. A. Gnevasheva – analysis and description of the data obtained; formulation of conclusions.

A. R. Abdulzyanov – analysis of the data obtained; preparation of the text of the article.

O. R. Pyatinina – analysis of the data obtained; preparation of the text of the article.

All authors have read and approved the final version of manuscript.